

И. С. КОН

ФИЛОСОФСКИЙ РЕЛЯТИВИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Одним из наиболее ярких и характерных проявлений кризиса буржуазной исторической мысли в эпоху империализма является широкое распространение субъективно-идеалистических, релятивистских взглядов на историю. Пытаясь доказать невозможность объективной истины в исторической науке, мистифицируя понятие исторического факта и рассматривая исторические концепции как нечто совершенно условное и произвольное, буржуазные идеологи стремятся тем самым подорвать марксистско-ленинское учение об объективной исторической закономерности и теоретически обосновать буржуазную фальсификацию истории. В настоящей статье на примере американской историографии, в которой эти тенденции выступают наиболее отчетливо, мы попытаемся вскрыть социальные и гносеологические корни релятивистско-презентистской концепции, особенно ее трактовки понятия «исторического факта», и показать ее губительное, реакционное влияние на буржуазную историческую науку.

КРИЗИС БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ И ФИЛОСОФСКИЙ РЕЛЯТИВИЗМ

Кризис буржуазного историзма и порожденное им скептическое отношение к исторической науке, столь характерное для современной буржуазной общественной мысли, являются одним из проявлений общего упадка буржуазной идеологии, которая в борьбе против идей марксизма-ленинизма терпит поражение за поражением. Трезвый анализ событий последних 40 лет неопровержимо доказывает, что основная закономерность современной эпохи — это смена прогнившего капитализма новой, социалистической формацией. Но подобный вывод явно не устраивает буржуазных историков.

Признать успехи социализма закономерными — значит порвать с буржуазной идеологией и произнести смертный приговор капиталистической системе. На это буржуазные историки, в своем подавляющем большинстве, не способны, поскольку всеми нитями своего материального и духовного существования они связаны с умирающим миром. Но с отрицанием идеи исторической закономерности неизбежно рушится и идея познаваемости исторического прошлого. Факты истории бесчисленны, и, коль скоро объективный критерий отсутствует, отбор и систематизация этих фактов становятся делом субъективного произвола историка.

Так банкротство буржуазной науки, маскируемое рассуждениями о «невозможности» объективной общественной науки вообще, противопоставляется марксистско-ленинскому взгляду на историю как на закономерный процесс, а на историческую науку — как на более или менее верное отражение, познание этого процесса.

Распространение скептического взгляда на историю, соответствующего позициям реакционных правящих кругов капиталистических стран, имеет вместе с тем глубокие гносеологические корни и связано с существенными сдвигами, которые претерпела буржуазная историография в конце XIX — начале XX в.

Как известно, именно во второй половине XIX в., пытаясь противопоставить что-то определенное историческому материализму, буржуазные историки вынуждены

были значительно энергичнее, нежели раньше, заняться социально-экономической историей. Позитивистская социология и находившаяся под ее влиянием историография ставили себе цель открыть всеобщие законы, которые объяснили бы весь ход исторического процесса. «Историки нового столетия,— пишет Г. Коммэджер,— гораздо больше интересуются силами, чем личностями. Они оставили этику ради науки, драму — ради фотографии и повествование — ради анализа»¹. Но попытки объяснить исторический процесс с помощью абстрактных, внеисторических схем, основанных на применении законов механики (братья Адамсы) или биологии (Джон Фиске), неизбежно заканчивались неудачей. Как пишет Коммэджер, «общество упорно отказывалось втиснуться в построенную для него с таким трудом рамку безличных сил, и история оставалась окрошкой»².

Вместе с тем буржуазные историки, находившиеся под влиянием позитивизма, весьма мало интересовались философскими вопросами и теорией исторического знания. «Историки-исследователи в Америке с 1880-х годов...,— пишет С. Ратнер,— мало интересовались теоретическими предпосылками своей работы. Для них Ранке раз и навсегда установил правила их ремесла... Они полностью соглашались с утверждением Д. Б. Мак-Мастера, что «не дело историка быть философом». Они желали избежать опасностей обобщения и труда критического размышления по поводу логики исторической интерпретации»³.

«Цель истории — повествовать, оставляя философию другим»,— утверждал, например, Джеймс Ф. Родс⁴. Этот парочитый объективизм, разумеется, не освобождал историка от «предвзятых понятий и теорий»; тот же Родс, рассказывая о рабочих волнениях на антрацитовых копях Пенсильвании, откровенно симпатизировал владельцам копей и осуждал шахтеров, которые, по его словам, были сплошь ирландцы, действовавшие в соответствии с якобы наследственной склонностью к пьянству, ожорству, грабежу и убийству⁵. Теоретический объективизм, таким образом, лишь маскировал действительную партийность историка.

Обострение идеологической борьбы как никогда раньше раскрыло зависимость господствующих в буржуазной историографии концепций от политических потребностей империалистической буржуазии. В условиях господства субъективно-идеалистической философии это «открытие» не могло не привести многих буржуазных историков к крайнему релятивизму и даже полному скептицизму в отношении исторического познания. «Результатом этого было то, что историк почувствовал свою работу в целом лишенной разумного оправдания...,— пишет П. Загорин.— Неспособный убедительно обосновать свои притязания на подлинное знание, он отдался скептицизму, в свете которого он мог продолжать свою работу только на основе акта веры»⁶.

Подобные настроения вызываются и идеалистическим истолкованием современной революции в физике. Кризис механического детерминизма неосновательно рассматривается буржуазными историками как доказательство краха всякого детерминизма. Это подкрепляет в их глазах скептицизм по отношению к истории, выдаваемый за последнее слово «современной науки».

Но философский релятивизм отнюдь не ограничивается констатацией относительности и исторической ограниченности данного уровня наших знаний. В. И. Ленин указывал, что «положить релятивизм в основу теории познания, значит неизбежно осудить себя либо на абсолютный скептицизм, агностицизм и софистику, либо на субъективизм. Релятивизм, как основа теории познания, есть не только признание относительности наших знаний, но и отрицание какой бы то ни было объективной, независимо от человечества существующей, меры или модели, к которой приближается наше относительное познание. С точки зрения голого релятивизма можно оправдать всякую софистику, можно признать «условным», умер ли Наполеон

¹ H. S. Commager. The American Mind. An Interpretation of American Thought and Character Since the 1880's. New Haven, 1950, p. 290.

² Ibidem.

³ S. Ratner. Dewey's Contribution to Historical Theory.— In: «J. Dewey. Philosopher of Science and Freedom. A Symposium». New York, 1950, p. 134—135.

⁴ Цит. по: E. N. Saveth. Understanding the American Past. Boston, 1954, p. 19

⁵ Ibid., p. 7, 20.

⁶ P. Zagorin. Carl Becker on History.— «The American Historical Review», vol. LXII, October 1956, № 4, p. 3.

5-го мая 1821 года или не умер, можно простым «удобством» для человека или для человечества объявить допущение рядом с научной идеологией («удобна» в одном отношении) религиозной идеологии (очень «удобной» в другом отношении) и т. д.»⁷ Эти слова как нельзя лучше характеризуют современный «исторический релятивизм».

Субъективистский взгляд на историю имеет в американской (как, впрочем, и в западноевропейской) историографии несколько разновидностей. Наиболее примитивной формой его является возрождение романтического взгляда, что история, поскольку она имеет дело с живыми человеческими существами, находящимися в неповторимо-индивидуальных обстоятельствах, якобы не может быть «строгой наукой» и должна рассматриваться как часть искусства, как разновидность художественной литературы. В буржуазной философии XX в. такую точку зрения обосновывали в числе других ранний Кроче и американский философ Джордж Сантаяна, согласно которой высшей формой истории является исторический роман, а сама она «выполняет функцию эпической и драматической поэзии»⁸. По мнению известного американского теоретика истории Ф. Д. Теггарта, история — одна из форм литературы и как таковая «прямо противоположна тому типу знания, который мы ассоциируем со словом «наука»»⁹. Взгляд на историю, как на искусство, в котором решающая роль принадлежит творческому воображению историка, разделяют многие видные американские историки¹⁰.

Более тонкой попыткой подорвать объективность исторического знания являются многообразные психологические и психоаналитические теории. Не оспаривая прямо научности истории, теоретики этого рода вместе с тем всячески изолируют ее («доказательствах» того, что ей будто бы недоступна объективность естественных наук и что важнейшим инструментом изучения истории является «внутреннее проникновение» в духовный мир прошлого при помощи всякого рода психоаналитических ухищрений. Особенно большие усилия проявляет в этой области неофрейдизм, влияние которого на американскую историографию (в особенности на историков, работающих в жанре исторической биографии, — а таковых очень много) весьма значительно¹¹ и заслуживает самостоятельного критического рассмотрения.

Однако наиболее распространенным проявлением субъективизма в американской историографии является гносеологический релятивизм, который рассматривает исторические концепции не как отражение определенных, объективно имевших место в прошлом явлений и отношений, а как простое выражение идеологических отношений современности (отсюда название — «презентизм»).

Своими философскими корнями американский презентизм уходит в учения различных идеалистов XX в., включая Кроче и Дильтея, Кассирера и Фрейда. Однако наибольшую роль в его формировании сыграл, несомненно, американский прагматизм с его отрицанием объективной истины и утверждением, будто наши научные понятия, законы и т. д. суть не отражения определенных черт и сторон самой действительности, а только «инструменты», годные в одной ситуации и совершенно непригодные в другой¹². Применяя эти положения к методологии истории, ведущий американский философ-прагматист Дьюи утверждал, что раз историк всегда исходит из потребностей современного развития и современной политической ситуации, то не может быть и речи об объективном отображении прошлого. «Вся история, — заявлял он, — неизбежно написана с позиций настоящего и является, в абсолютном смысле

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 124.

⁸ G. Santayana. The Life of Reason, vol. V. Reason in Science. New York, 1925, p. 66.

⁹ F. J. Teggart. Theory and Processes of History. Berkeley — Los Angeles, 1941, p. 29.

¹⁰ J. Barzun and oth. The Interpretation of History. Princeton, 1943, p. 3; E. Neff. The Poetry of History. New York, 1947, p. 4—5; A. Nevins. The Gateway to History. New York, 1938, p. 26; F. M. Mats on. History As Art: The Psychological — Romantic View. — «Journal of the History of Ideas», vol. XVIII, April 1957, № 2.

¹¹ S. Ratner. The Historian's Approach to Psychology. — «Journal of the History of Ideas», vol. II, January 1941, № 1, p. 95; E. Saveth. The Historian and the Freudian Approach to History. — «The New York Times Book Review», January 1, 1956, Section 7, p. 7.

¹² См. Ю. К. Мельвилль. Американский прагматизм. М., 1957.

ле. историей не только настоящего, но того, что в данный момент считается важным в настоящем»¹³. По его мнению, с изменением этого настоящего вся история переписывается заново, и говорить об «истинности» тех или иных исторических исследований просто бессмысленно.

Что же импонирует буржуазным историкам в подобных рассуждениях, откровенно направленных на ликвидацию истории как науки? Буржуазная историография в силу своей классовой и теоретической ограниченности не имеет надежного объективного масштаба для оценки важнейших исторических событий. Релятивистско-презентистская концепция как раз и занимается тем, что подводит под эту методологическую беспомощность историков «философскую базу». Она как бы говорит им: вы не знаете, где найти критерий для отбора и оценки исторических фактов, но такого критерия и не может быть; поэтому не стремитесь к недостижимому идеалу объективной истины, заботьтесь только о том, чтобы ваши идеи отвечали потребностям вашего (т. е. капиталистического) общества. Так социальный заказ империалистической буржуазии получает свое философское «обоснование».

ПРЕЗЕНТИЗМ И ПОНЯТИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКТА

Релятивистское направление в американской историографии зародилось еще в начале нынешнего столетия, когда такие историки, как Харт, Тэрнер, Слоун, Дэннинг и другие, подвергли сомнению возможность написания «объективной истории». У. Дэннинг, например, в 1913 г. призывал историков «чистосердечно признать, что то, что данный век или данный народ считает истинным, действительно истинно для этого века и этого народа», хотя для последующих поколений это может быть и неверно¹⁴.

Сначала этот релятивизм выступал как требование избегать социологической схематизации, учитывать неповторимую специфику каждого исторического периода и т. д. Однако очень скоро идея специфичности исторических эпох была доведена до отрицания сначала общих, а затем и всех вообще исторических закономерностей. История превратилась у сторонников релятивистского направления в сложный комплекс абсолютно индивидуальных, замкнутых в себе явлений, модернизация исторического прошлого была объявлена принципиально неустранимой.

Глашатаями презентизма в американской буржуазной историографии стали К. Беккер, Ч. Бирд, А. Вагтс, Д. Рэндалл, Х. Маркс и другие, своеобразным манифестом презентизма явился сборник «Теория и практика исторического исследования», опубликованный Американской исторической ассоциацией в 1946 г.¹⁵

Историки-релятивисты пытаются доказать, что в истории невозможно не только бесстрашие и беспристрастие, но и вообще объективная истина, что историк не воспроизводит, а скорее творит историческую реальность¹⁶. Несостоятельность подобной аргументации ясно выступает в рассуждениях Чарльза Бирда в его статье «Эта благородная мечта»¹⁷. Бирд начинает с утверждения, что все историки, без различия направлений, заняты поисками истины. «Но возможно ли для людей освободиться от всех расовых, половых, классовых, политических, социальных и местных пристрастий и рассказать истину об истории, какой она в действительности была?» На этот вопрос Бирд отвечает отрицательно.

Он рассуждает следующим образом: «Историк не является наблюдателем прошлого, лежащего вне собственного времени историка. Он не может видеть его объективно, как химик видит свои пробирки и приборы. Историк должен «видеть» истори-

¹³ J. Dewey. *Logic. The Theory of Inquiry*. New York, 1938, p. 235.

¹⁴ W. A. Dunning. *Truth in History*. — In: «The Making of Modern Europe», ed. by H. Ausubel. New York, 1953, p. 13—24.

¹⁵ «Theory and Practice in Historical Study. Social Science Research Council Bulletin 54». New York, 1946.

¹⁶ Основные положения презентистской теории уже подвергались критике в нашей литературе. См. А. Шаффа. Презентизм — реакционная методология американской историографии. — «Коммунист», 1955, № 16; И. С. Кош. Об «историзме» Бенедетто Кроче. — «Вопросы истории», 1956, № 10.

¹⁷ Ch. A. Beard. *That Noble Dream*. — «The American Historical Review», t. XLI, October 1935, № 1, p. 76—84.

ческую действительность через посредство документации. Это его единственный выход». По исторические документы неизбежно неполны, многие события и люди не находят в них достаточного отражения. Кроме того, историк никогда не в состоянии собрать всю документацию. «Отсюда следует, что действительность как целое фактически непознаваема для историка, как бы он ни был трудолюбив, осторожен и тщателен в своих исследованиях». Мысль о том, что полная структура событий прошлого может быть обнаружена историком при помощи изучения частичной документации, является, по мнению Бирда, более чем сомнительной. «Исторические события и личности по своей своей природе предполагают этнические и эстетические оценки. Они — не простые события физики и химии, которые допускают нейтральность со стороны «наблюдателя». Поэтому всякая историческая концепция является, по Бирду, интерпретацией прошлого, которая не может ограничиваться обнаруженными фактами, но предполагает какие-то трансцендентные нормы или ценности. Далее, историк никогда не может полностью освободиться от взглядов своего времени. Наконец, и в выборе темы, и в отборе материала, и в его подаче всегда (сознательно или бессознательно) сказывается индивидуальное «я», личность самого историка. Отсюда Бирд делает вывод о невозможности в истории объективной истины.

Аргументация Бирда сводится таким образом к следующим основным утверждениям: 1) невозможность непосредственного наблюдения в истории; 2) неполнота исторических данных; 3) субъективный характер исторического материала и невозможность беспристрастного к нему отношения.

По первому пункту нужно заметить, что косвенный опыт, на котором, в первую очередь, базируется историческое знание, не является чем-то специфическим только для последнего. На данных косвенного опыта основывается немалая часть всех человеческих знаний, и это отнюдь не делает их сомнительными и недостоверными¹⁸. Химик-экспериментатор действительно «видит» свои пробирки. Но физик (или химик)-теоретик уже весьма далек от такой элементарной наглядности. Тем более невозможна непосредственная экспериментальная проверка выводов в общественных науках, даже если они занимаются самыми современными проблемами. Не случайно политическая экономия базируется не на непосредственном наблюдении, которое может охватить лишь очень узкий круг явлений, а на статистике, представляющей уже определенное обобщение исторического опыта. Но это нисколько не подрывает самой возможности объективного знания. Во-первых, научное источниковедение вооружает ученого целым рядом приемов, которые позволяют ему путем анализа самого документа и сопоставления его с другими источниками более или менее точно определять степень его достоверности и извлекать крупицу истины даже из фальсифицированного документа. Во-вторых, привлекая данные археологии, исследуя материальные памятники, историк получает в свое распоряжение такие источники, которые, в отличие от источников повествовательных, сами по себе не содержат никакой тенденции и исследование которых допускает такие же точные методы, какие применяются современным естествознанием.

Второй аргумент релятивизма — неполнота исторических данных — также не убедителен. Разумеется, историк не может воссоздать целиком, во всех деталях, все историческое прошлое. Такая задача была бы явно невыполнима. Но она и не стоит перед исторической наукой. Да и никакая другая наука не стремится описывать все подряд. В. И. Ленин указывал, что «сумму всех этих изменений во всех их разветвлениях не могли бы охватить в капиталистическом мировом хозяйстве и 70 Марксов. Самое большее, что открыты законы этих изменений, показана в главном и в основном объективная логика этих изменений и их исторического развития»¹⁹.

Когда мы говорим, что историческая наука раскрывает объективную истину, мы вовсе не имеем в виду абсолютно точного, исчерпывающего описания действительности. Речь идет лишь о верном отображении наиболее существенных сторон и черт изучаемого процесса. То, что мы при этом никогда не будем знать всех деталей этого процесса, нисколько не колеблет достоверности известных нам вещей.

Пытаясь подорвать идею объективной исторической истины, современный релятивизм стремится доказать, что в исторической действительности нет объективного

¹⁸ См. Ма о Ц э - д у н. Избр. произведения, т. 1. М., 1952, стр. 514.

¹⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 311.

различия между «существенным» и «несущественным», что все подобные категории не только относительны, но и просто условны. Отсюда делается вывод, что историк, отбирающий из безбрежного моря фактов «существенное» и отбрасывающий «несущественное», действует произвольно или руководствуясь некими «трансцендентными ценностями», лежащими вне самой истории. Однако стоит обратиться к практике исторического исследования — и вся эта концепция разлетится вдребезги.

Историк в зависимости от характера своих интересов выбирает любой объект исследования и рассматривает его в любом аспекте. Но, раз определив предмет исследования, историк уже не может произвольно устанавливать его внутренние связи. Верно, что любой факт имеет бесчисленное множество аспектов. Но историк имеет дело не с изолированным фактом, а с фактом, находящимся в определенной объективной причинной связи с другими.

«Существен» или нет данный факт для данного исследования — зависит не от произвола историка, а от объективной связи явлений. Так, например, исследователь политического строя Англии не может не упомянуть парламентскую реформу 1867 г., которая совершенно безразлична историку музыки. Историк, таким образом, действительно отбирает факты, но этот отбор, будучи сам по себе субъективным (потому в нем возможны ошибки, односторонность и т. д.), не является произвольным, а осуществляется (во всяком случае, должен осуществляться) в соответствии с объективной взаимосвязью исторических явлений.

Дабы подкрепить свои релятивистские выводы, буржуазная философия истории уделяет большое внимание «критике» понятия исторического факта. Вопрос этот представляет несомненный интерес.

Одним из первых проявлений кризиса буржуазной исторической мысли было скептическое отношение к возможности объективных исторических обобщений, сочетавшееся с верой в незыблемость и достоверность единичных фактов. С недоверием относясь ко всякого рода обобщающим концепциям, буржуазный историк в то же время нисколько не сомневался в объективной реальности тех «фактов», которые он «собирал» и «описывал». От документа — к факту, от факта — к обобщению, — так рисовался путь исторического исследования историку позитивистской школы. Подобный взгляд подвергся, однако, критике со стороны релятивистов.

С развитием исторической науки усложнилось само понятие «исторического факта». Если раньше «фактами» считались почти исключительно события, то теперь историку приходится все больше иметь дело с процессами и отношениями. Такие «факты», как движение цен, дифференциация общественных классов, мобилизация земельной собственности, первоначальное накопление и т. п., нельзя уже представить как нечто совершенное, единичное, однократное, что может быть описано без помощи «теоретических обобщений».

Выяснение этого должно было радикально подорвать примитивный фактографизм традиционной буржуазной историографии. Но буржуазные историки, рассматривая понятие исторического факта с позиций субъективного идеализма, пришли к парадоксальному и опасному выводу о «разрушении» исторического факта как такового, об «уничтожении объекта» исторической науки. Примером является атака на понятие исторического факта, предпринятая в 1926 г. американским историком Карлом Беккером²⁰. Высмеивая представление о прошлом как о некоей самодовлеющей реальности, Беккер выступил против мнения, что существуют какие-то «твердые факты», на которых историк может основать свое изложение. «Благодаря такому мнению, — писал он, — исторические факты стали в конце концов казаться чем-то прочным, реальным и вещественным, как физическая материя, чем-то обладающим определенной формой и ясными, устойчивыми очертаниями, — как кирпичи и другие

²⁰ Идеи Беккера и поныне оживленно обсуждаются американскими историками. В сентябре 1955 г. журнал «The Western Political Quarterly» опубликовал его упомянутый выше доклад. О взглядах Беккера все еще идут дискуссии. См. C. W. Smith. Carl Becker on History and the Climate of Opinion. Ithaca, 1956; P. Zagorin. Carl Becker on History. — «The American Historical Review», vol. LXII, October 1956, № 1, p. 1—11; L. Gershoy. Zagorin's Interpretation of Becker: Some Observations. — «The American Historical Review», vol. LXII, October 1956, № 1, p. 12—17.

строительные материалы; так что мы можем легко представить историка, который спотыкается в прошлом, ушибая свои ноги о не замеченные им твердые факты»²¹.

С целью опровержения этого взгляда Беккер ставит перед слушателями три вопроса: Что такое исторический факт? Где находится исторический факт? Когда совершается исторический факт? Отвечая на первый вопрос, Беккер акцентирует на сложности понятия факта. Возьмем простейший бесспорный факт, говорит Беккер: «В 49 году до нашей эры Цезарь перешел через Рубикон». На первый взгляд этот факт не вызывает никаких сомнений,— но только на первый взгляд. Стоит поставить несколько вопросов (сколько людей было с Цезарем? Сколько времени заняла переправа? Что при этом думали и говорили её участники? и т. п.), как выясняется, что так называемый «элементарный факт» в действительности представляет собой обобщение множества более мелких фактов. Но дело не только в самом событии. Много людей переходило Рубикон и до и после Цезаря, однако только переход Цезаря имеет историческое значение. Последнее, по мнению Беккера, не содержится в самом событии, оно есть нечто символическое, и, следовательно, «исторический факт» — это уже не объективная реальность, а лишь символическое обозначение бесконечно сложной исторической действительности. «Простой исторический факт, оказывается, не есть нечто твердое и холодное, с ясным контуром и измеримой плотностью, как кирпич. Он есть, насколько мы способны познать его, только *символ*, простая формулировка, являющаяся обобщением тысячи и одного простейшего факта, которые нам в данный момент не требуются, и само это обобщение мы не можем использовать в отрыве от более широких фактов и обобщений, которые он (этот факт) символизирует»²².

Если так обстоит дело с простейшими фактами, то тем более нельзя, по мнению Беккера, говорить о реальности сложных явлений, вроде немецкой общины-марки. Представление историков о марке — это «миф, который не соответствует никакой реальности»²³. Беккер не берется определять «такую иллюзорную и неуловимую вещь», как исторический факт. Это — лишь символ, лишенный всякой определенности. На вопрос: где находится исторический факт? — может быть только один ответ: «Исторический факт находится в чьем-нибудь сознании или нигде». А если так, то исторический факт является частью настоящего²⁴.

В интерпретации Беккера исторический факт окончательно утрачивает таким образом свою реальность, а вместе с ним ликвидируется и историческая наука. Беккер прямо заключает, что «историк никоим образом не может представить никакое, даже простейшее, действительное событие в его целостности»²⁵. Вся история — это будто бы продукт субъективного усмотрения, поэтому «каждый — свой собственный историк» и бессмысленно спорить, какая из бесчисленных точек зрения истинна, а какая — ложна. Признание относительности исторического факта и его связи с другими фактами приводит Беккера и его последователей к выводу о полной непознаваемости истории.

Так еще раз подтверждается ленинское положение, что «принцип *релятивизма*, относительности нашего знания...— *при незнании диалектики* — неминуемо ведет к идеализму»²⁶.

Физики-идеалисты, разложив атом, пришли к выводу, что этим будто бы уничтожена сама материя. Историки-идеалисты, столкнувшись со сложностью понятия исторического факта, пришли к выводу, что не существует никакой объективной исторической реальности, что исторические факты суть продукт сознания историка. Мы говорим о сражениях, революциях и т. п., утверждают эти историки, но ни один человек не наблюдал сражения как такового. Каждый его участник видел только какие-то ограниченные временем и местом эпизоды. «Сражение» как целое, по мнению презентистов, создается только сознанием историка; битва при Ватерлоо, например,— не объективная реальность, а лишь продукт «исторического сознания».

²¹ C. L. Becker. What are Historical Facts?— «The Western Political Quarterly», vol. VIII, September 1955, № 3, p. 327.

²² Ibid., p. 329.

²³ Ibid., p. 330.

²⁴ Ibid., p. 331.

²⁵ Ibid., p. 333.

²⁶ В. И. Ленин и в. Соч., т. 14, стр. 295.

Несостоятельность всей этой аргументации совершенно очевидна. Мысленно разложить целое на его составные части вовсе не значит уничтожить самое целое. Точно так же признание противоречия между ограниченностью непосредственного опыта и знаний каждого человека в отдельности и безграничностью человеческого познания вовсе не должно вести к агностицизму и скептицизму.

Непосредственные чувственные восприятия каждого данного человека в каждый данный момент неизбежно ограничены, и если абсолютизировать эту черту, то придется признать, что никто не может увидеть целиком не только сражение или другое большое событие, но даже коробку спичек, так как в каждый данный момент она обращена к нам лишь какой-то одной определенной стороной. Находясь в дремучем лесу, вы воспринимаете только отдельные деревья. Значит ли это, что «лес» есть лишь продукт вашего воображения? Когда вы вплотную рассматриваете написанную масляными красками картину, вы видите только отдельные мазки. Чтобы увидеть картину как целое, нужно немного отойти. Но значит ли это, что картину создает только ваше мышление, а не то самое сочетание красок, в котором вы вблизи не заметили никакого смысла? Или, поскольку никто не может непосредственно чувственно созерцать шарообразную форму земли, значит ли это, что она создается нашим мышлением и такой «факт», как солнечная система, существует лишь в нашем сознании? Достаточно поставить эти вопросы, чтобы убедиться в том, что отдельное, единичное (а только оно доступно непосредственному восприятию) не может быть оторвано от общего, и наоборот.

Столь же предвзяты и неубедительны утверждения презентистов о том, что история будто бы постоянно должна переписываться заново. Несомненно, историческая наука тесно связана с политическими взглядами борющихся классов, и это делает ее ареной ожесточенной идеологической борьбы. Но из того, что историк при исследовании прошлого и с х о д и т из потребностей и интересов настоящего, вовсе не вытекает, что он непременно п е р е н о с и т на прошлое характерные черты настоящего, ни, тем более, что все его выводы носят субъективный характер. Настоящее ставит перед историком лишь вопрос. Ответ на этот вопрос дает изучение прошлого. Если бы дело обстояло иначе, то отпала бы самая необходимость в исторической науке.

Историческое познание неизбежно имеет ретроспективный характер, восходя от настоящего к прошлому. Поэтому выводы историка зависят не только от изучаемого им материала, но и от той перспективы, в которой этот материал рассматривается. Это делает познание любого исторического процесса безграничным, а каждую данную ступень этого познания — относительной, неокончательной.

Гносеологический релятивизм, утверждающий, что все точки зрения одинаково правомерны и в то же время одинаково односторонни, что, следовательно, «каждый сам себе историк», тесно связан с отрицанием поступательного характера исторического процесса. Если, как утверждают многие современные буржуазные историки, исторический процесс есть простое изменение, в котором отсутствует момент прогресса и каждый последующий этап не стоит выше предыдущего, — исторический релятивизм действительно неизбежен.

Исторический материализм исходит, однако, из того, что общественное развитие носит поступательный характер и каждая закономерная ступень этого развития, будучи сама по себе относительной и преходящей, стоит в генетическом ряду выше предыдущей. А коль скоро это так, само изменение взглядов на историческое прошлое является, в общем и целом, не случайным и произвольным, но закономерным и необходимым.

В исторической действительности новый этап, «снимая» старый, удерживает все положительное, что было в нем. Подобно этому новые точки зрения и концепции в исторической науке, отбрасывая устаревшие положения и взгляды, сохраняют все ценное, что было достигнуто наукой раньше.

До Великой Октябрьской социалистической революции одним из важнейших событий новой истории справедливо считалась Французская буржуазная революция XVIII в. Естественно, что в то время, когда буржуазное общество было еще достаточно прочным, абсолютное большинство историков рассматривало «великую революцию» с положительной стороны, подчеркивая ее роль в создании нового общества и т. д. Этот взгляд защищали и основоположники научного коммунизма, которые

вместе с тем углубляли его, противопоставляя революционность буржуазии XVIII в. прямой реакционности господствующей буржуазии последующего периода.

Октябрьская революция радикально изменила всемирно-историческую перспективу. В свете победоносной пролетарской революции, уничтожившей эксплуатацию человека человеком, стала особенно наглядной ограниченность всех предшествовавших революционных переворотов, которые сводились к замене одной формы эксплуатации другой. В связи с этим историки-марксисты выявили апологетический характер буржуазных концепций Французской революции, исследовали роль народных масс в революции, их антагонизм с буржуазией, вскрыли внутреннюю противоречивость самих результатов революции. Это — яркий пример того, как историческая действительность влияет на историческое мышление, определяя его направление и перспективу. Но марксистская историография не просто «отбрасывает» старые концепции, а обнаруживает их односторонность, неадекватность и, отталкиваясь от них же, идет значительно дальше, рассматривает вопрос глубже и шире.

Мы знаем подлинную цену капиталистическим порядкам и поэтому уже не можем видеть во Французской революции воплощение «общечеловеческих идеалов» свободы, равенства и братства. Но это несколько не мешает нам признавать прогрессивную роль капитализма по отношению к феодализму и придавать большое значение революции, которая способствовала переходу к новой общественной формации. Мы видим непримиримый антагонизм между буржуазией и пролетариатом, и это позволяет нам понять несостоятельность буржуазной точки зрения о «едином третьем сословии» и раскрыть в нем борьбу различных классовых сил и интересов. Но это несколько не мешает нам признавать возможность общности интересов рабочего класса и буржуазии в определенных исторических условиях — в борьбе с феодализмом, с колониальным господством и т. д.

Необходимо учитывать также, что историческая наука не есть простой «рефлекс» современных социальных отношений, что она, как и любая форма общественного сознания, относительно независима от этих отношений. Пересмотр тех или иных научных концепций в истории, как и в любой другой науке, тесно связан с развитием самой науки, с открытием новых фактов, разработкой новых методов исторического исследования. Кто станет отрицать громадное значение для исторической науки таких открытий, как расшифровка письменности майя или крито-минойских надписей? Но, как известно, эти открытия непосредственно не вытекают из каких-либо современных социальных процессов.

Следовательно, в развитии исторической науки мы имеем не просто смену различных «точек зрения», как утверждают презентисты, а поступательный процесс накопления знаний, подчиненный тем же законам, что и всякое научное знание, в котором каждая относительная истина содержит в себе момент абсолютной.

Разумеется, характер исторического мышления существенно детерминирован партийно-классовыми интересами. Партийность передового, революционного класса, заинтересованного в поступательном развитии общества, благоприятствует историческому познанию, нацеливая его на объективный анализ закономерностей. Именно такова партийность советской исторической науки, строящейся на теоретическом фундаменте марксизма-ленинизма.

Напротив, интересы реакционных классов приходят в противоречие с задачами исторического исследования, вскрывающего ведущие тенденции общественного развития, что побуждает буржуазных историков либо скользить по поверхности явлений, либо прямо фальсифицировать историю. В этом, как мы видели, и состоит главная причина кризиса буржуазной исторической мысли, порождением и теоретическим отражением которого является релятивистско-презентистская концепция.

Разумеется, сказанное не следует понимать как огульное отрицание всей буржуазной историографии. Такой вывод был бы неправильным. В. И. Ленин вполне определенно указывал, что и реакционные ученые могут вносить определенный вклад в специальные отрасли знания²⁷. Но это ни в коей мере не может опровергнуть тот бесспорный факт, что правильно истолковать историю прошлого может только тот класс, который творит историю будущего.

²⁷ См. В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 328; т. 20, стр. 183.

КУДА ВЕДЕТ БУРЖУАЗНЫХ ИСТОРИКОВ ФИЛОСОФСКИЙ РЕЛЯТИВИЗМ?

Релятивистско-презентистский взгляд на историю закрепляет и углубляет кризис буржуазной исторической мысли, теоретически «обосновывая» любую фальсификацию истории на потребу монополистического капитала.

Если историческое прошлое — только иллюзия историка, если исторический факт — всего лишь субъективная конструкция, если исторический процесс не подчиняется никаким объективным законам, то говорить о достоверности исторических знаний не приходится. «Для софиста каждый человек стал своим собственным историком; для пошляка история превратилась в «чепуху». Но в обоих случаях результат был более или менее одинаков: анархия индивидуальных суждений, утверждение неотъемлемого права каждого иметь свой собственный мир исторической истины. Для данного явления, как и для всего остального, философы имеют название — «субъективизм»; но каким бы именем это ни назвать, последствием его является хаос»²⁸.

Если некогда капитализм мог еще довольствоваться тем, что использовал субъективную слепоту историков, то теперь он все более настойчиво требует от них сознательной фальсификации истории. История превращается в один из инструментов империалистической пропаганды, теоретический релятивизм смыкается с политической реакцией. Даже такой апологет «американского образа жизни», как Э. Сэйвет, признает, что в США «ветры исторической теории дуют сейчас определенно в консервативном направлении»²⁹. Империалисты США непосредственно диктуют буржуазным историкам свою волю. Особенно характерно в этом смысле послание президента Трумэна 65-му годовичному собранию Американской исторической ассоциации, состоявшемуся в декабре 1950 г. Прикрывая реакционную сущность своих высказываний демагогическими рассуждениями о защите «мира и демократии», Трумэн недвусмысленно заявил, что главной задачей политики американских правящих кругов является борьба с коммунизмом и в этом отношении «труд американских историков имеет колоссальное значение... Американские историки могут способствовать делу свободных наций, помогая правительству»³⁰. Нетрудно понять, что речь идет здесь о сознательном извращении истории в интересах американского империализма.

Переплетение презентизма в теории с маккартизмом в политике отчетливее всего было выражено президентом Американской исторической ассоциации Коньерсом Ридом в речи, претенциозно озаглавленной «Социальная ответственность историка»³¹.

Рид цинично начинает с того, что для большинства американских историков наука — это прежде всего средство к существованию и вопрос о научной объективности — это по существу «проблема хлеба с маслом». Отсюда следует вывод о том, что надо писать историю так, чтобы те, кто платит историкам, были довольны их трудом; это — исходное положение при решении любых научных вопросов. Прошлое, по мнению Рида, само по себе никого не интересует, а история есть лишь «перенесение современных идей и интересов» на факты прошлого опыта людей. Поэтому «историю нужно переписывать для каждого поколения. Мы задаем вопросы о прошлом, отличные от тех, которые задавали наши отцы, подчеркивая соображения, которых наши отцы не знали, и игнорируя то, что наши отцы считали важным». Подчиняя всю историю целям реакционной пропаганды, Рид зачислял в историки всякого, «кто берется интерпретировать прошлое для настоящего», в том числе «романистов, драматургов и в особенности радиокомментаторов». Старательно зарабатывая свой «хлеб с маслом», он требовал, чтобы американские историки стали воинствующими пропагандистами «американского образа жизни». «Атомные бомбы, — говорил Рид в разгар «холодной войны», — требуют быстрых решений. Либерально-нейтральная позиция, подход к социальной эволюции с точки зрения бесстрастного бихевиоризма нас уже не удовлетворяет. Тотальная война, все равно — холодная или горячая, мобилизует и обязывает каждого занять свой пост. Историк так же не свободен от этой

²⁸ B. J. Loewenberg. Some Problems Raised by Historical Relativism.— «The Journal of Modern History», vol. XXI, March 1949, № 1, p. 17.

²⁹ E. N. Saveth. Understanding the American Past, p. 39—40.

³⁰ «The American Historical Review», vol. LVI, April 1951, № 3, p. 711—712.

³¹ C. Read. The Social Responsibilities of the Historian.— «The American Historical Review», vol. LV, January 1950, № 2, p. 275.

обязанности, как и физик». Опасаясь, видимо, что не все американские историки захотят превратиться в наемных фальсификаторов, Рид недвусмысленно намекал на существование комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Он приветствовал утвердившийся в США контроль над мыслями, загугивал американских историков, чтобы они не рассчитывали на свободу слова, уверял их, что всякое сопротивление правящим кругам бесполезно и лучше всего добровольно пойти к ним на службу.

Те же «идеи», хотя и не в столь откровенной форме, выражают и некоторые другие реакционные историки³². Так, например, Ф. Хайек, констатируя взаимосвязь истории и политики, призывает американских историков активно отстаивать капиталистические порядки и пересмотреть историю промышленной революции в духе «признания того, что рабочий класс в целом выиграл от развития современной промышленности»³³. Луис М. Хэккер ратует за то, чтобы сосредоточить внимание на изучении прогресса, который якобы несет с собой капитализм³⁴. Как известно, дело не ограничилось одними призывами: американская реакционная историография утроила свои усилия по «переписыванию» истории с точки зрения интересов монополистического капитала, все шире используя грубую фальсификацию исторических фактов³⁵.

Было бы, конечно, неправильно считать, что историк, защищающий позиции философского релятивизма, непременно должен быть сознательным фальсификатором в своей исследовательской работе. Дело обстоит сложнее. Характерной чертой теоретического мышления большинства современных буржуазных историков является эклектизм, и взгляды их нередко содержат внутренние противоречия.

Субъективно-идеалистическая философия истории в своей последовательной форме неприменима к практике исторического исследования. Как бы ни изощрялись субъективисты в доказательстве того, что история не подчинена действию закона причинности, на практике ни один историк не может отказаться от причинного объяснения исторических событий (хотя само это объяснение может быть неправильным, извращенным). Как бы ни отрицали буржуазные философы реальность пространства и времени, историк не может построить свое изложение вне этих объективных категорий.

Тот же Бирд, который доказывает невозможность в истории объективной истины, в конце своей, цитированной нами, статьи пишет: «Попытки охватить целостность истории должны и будут продолжаться, хотя бы мечта о реализации этого и была оставлена»³⁶. В своей рецензии на книгу английского философа-идеалиста Р. Г. Коллингвуда, который полностью растворил историю человечества в сознании историка, Бирд писал, что «хотя мы и не можем знать всеобщую историю или даже значительную часть ее, мы, очевидно, можем гораздо больше узнать об истории и о самих себе с помощью размышления, рассмотрения границ исторического знания и уточнения наших методов»³⁷. Недаром Коммэджер, который пишет о Бирде как о «самом философском из современных американских историков» и сам с большой симпатией относится к прагматизму, вынужден констатировать полную несостоятельность бирдовского презентизма³⁸.

Но хотя презентистская теория и не в состоянии полностью определить практику исторического исследования, она оказывает на последнюю крайне пагубное влияние. Это ясно видно на примере самого Ч. Бирда³⁹. Первые работы Бирда, не-

³² E. N. Saveth. *Understanding the American Past*, p. 3—4, 58; R. Bendix. *Social Science and the Distrust of Reason*. Berkeley — Los Angeles, 1951, p. 38.

³³ F. A. Hayek. *Capitalism and the Historians*. Chicago, 1954, p. 27.

³⁴ *Ibid.*, p. 75.

³⁵ См. Г. Аптекер. *Лауреаты империализма*. М., 1955; Н. Аптекер. *History and Reality*. New York, 1955; Е. Б. Черняк. *Американская историческая ассоциация*. — «Вопросы истории», 1955, № 6, стр. 179—186 и др.

³⁶ «*American Historical Review*», vol. XLI, October 1935, № 1, p. 86—87.

³⁷ «*American Historical Review*», vol. LII, July 1947, № 4, p. 707.

³⁸ H. S. Commager. *The American Mind*, p. 309.

³⁹ См. И. П. Деметьев. *Исторические взгляды Чарльза Бирда*. — «Вопросы истории», 1957, № 6.

смотря на непоследовательность его «экономического материализма», явились ценным вкладом в американскую историографию. Но в дальнейшем его политические взгляды становились все более реакционными, а в философском отношении он все глубже увязал в болоте релятивизма и субъективизма. Это не замедлило сказаться и на конкретно-исторических работах Бирда. Если раньше он, пусть робко и непоследовательно, выступал с критикой отдельных сторон американского капитализма, то уже с 30-х годов Бирд стал изображать прошлое Америки исключительно в розовых тонах. Отказавшись от своих прежних либеральных взглядов, Бирд превратился в проповедника ярого национализма. Его книга «Президент Рузвельт и война», вышедшая в 1948 г., — произведение насквозь тенденциозное и извращающее действительность.

Абсолютный релятивизм презентистской концепции настолько явно подрывает веру в историческую науку, что против него высказываются многие историки (даже весьма далекие от марксизма) как в США, так и в Европе⁴⁰. Особенно участились такие выступления в последние годы. Однако, отмечая усиление критики презентизма внутри буржуазной историографии, нельзя вместе с тем не заметить одной характерной тенденции: осуждая, часто с позиций политического и научного консерватизма, «крайности» исторического релятивизма, некоторые его критики пытаются создать впечатление, будто в буржуазном обществе возможна «наука вне политики», а историк может обойтись без всяких теоретических взглядов.

Весьма характерна в этом смысле позиция профессора Канзасского университета Дж. Малина. В своей книге «О природе истории» Малин высказывает справедливые суждения относительно релятивистско-презентистской концепции. Но что предлагает он сам? История, с точки зрения Малина, должна быть простым описанием единичных событий, даже не пытаясь подняться до обобщения. Малин практически обесценивает историческое знание, даже не скрывая этого. «История не только бесполезна, — пишет он, — но историк должен гордиться ее бесполезностью»⁴¹.

Однако принципиальный идиографизм и мелочная фактография, философская несостоятельность коих очевидна, ничуть не освобождают историка от партийности. Известный американский военный историк С. Э. Морисон является в теории противником не только релятивизма и субъективизма, но и вообще всякой философии. По мнению Морисона, курсы исторической методологии не стоят того времени, которое они отнимают у историка, и вся эта методология — лишь «продукт здравого смысла, примененного к обстоятельствам»⁴². На проверку же морисоновский «здравый смысл» предельно реакционен, а его так называемый «объективизм» нисколько не мешает ему яростно обрушиваться на марксизм и чернить всех, кто показывает отрицательные стороны истории американского капитализма.

И дело здесь не в личных свойствах Морисона. Буржуазный объективизм консервативен по самой своей сущности; объективистское исследование всегда остается на поверхности явлений, не выявляя глубинных, закономерных тенденций. А это, в свою очередь, вызывает к жизни релятивизм и скептицизм.

Историки-релятивисты пытаются опровергнуть марксистско-ленинскую теорию утверждениями о невозможности объективного знания и об относительности любых существующих точек зрения, критикуют исторический материализм за его мнимый «абсолютизм». Ревниватели так называемой «чистой науки», наоборот, обрушиваются на принцип партийности марксистской историографии. Но конечный вывод их тот же, что и у релятивистов: невозможность научной трактовки истории, невозможность формулирования исторических законов. Так объективизм и субъективизм при всей их кажущейся противоположности дополняют друг друга и превращаются друг в друга.

⁴⁰ W. Stull Holt. An Evaluation of the Report on Theory and Practice in Historical Study.— «Pacific Historical Review», vol. XVIII, May 1949, № 2; W. D. Allen. The Cultivation of History.— «American Association University Professors Bulletin», vol. 36, № 4, Winter 1950; F. Fischer. Objektivität und Subjektivität — ein Prinzipienstreit in der amerikanischen Geschichtsschreibung.— «Aus Geschichte und Politik. Festschrift zum 70. Geburtstag von Ludwig Bergsträsser». Düsseldorf, 1954, S. 167—182.

⁴¹ J. C. Malin. On the Nature of History. Lawrence, Kansas, 1954, p. 39.

⁴² S. E. Morison. Faith of a Historian.— «The American Historical Review», vol. LVI, January 1951, № 2, p. 263.

Проблема объективности исторического знания не может быть разрешена с позиций философского идеализма, в пределах буржуазного мировоззрения. Это весьма наглядно видно на примере одного из буржуазных теоретиков истории в США — Мориса Манделбаума, книга которого «Проблема исторического знания» представляет несомненный интерес и наносит историческому релятивизму наиболее сильные (в буржуазной литературе) удары. Однако, стоя на позициях эклектического «плюрализма», Манделбаум не может разрешить проблему исторической закономерности, без которой любая критика релятивизма повисает в воздухе.

«Возьмем ли мы исторический процесс как целое или выделим какую-то определенную часть этого процесса, — пишет Манделбаум, — мы всегда найдем, что все его компоненты сами по себе связаны друг с другом только временным образом». Дело историка, считает Манделбаум, «заниматься конкретной природой действительных событий, не стремясь установить между этими событиями отношения необходимости»⁴³. Любая попытка «сформулировать закон исторического изменения, объясняющий развитие событий» является, по его мнению, «теоретически несостоятельной затеей»⁴⁴. Манделбаум приходит в конечном итоге к обоснованию эклектизма и плоского эмпиризма, из которого, как мы видели, вырастает релятивизм.

Выход из противоречий, в которых запуталась буржуазная историческая мысль, указывает только марксистско-ленинская философия. Сила материалистического понимания истории состоит в том, что оно не только объясняет прошлое, но и указывает пути преобразования настоящего и дает возможность предвидеть будущее. Эта связь теории и практики, истории и современности — единственная гарантия против превращения исторической науки в груды бесполезных, мертвых фактов или в систему произвольно вырванных в интересах реакционной политической тенденции конъюнктурных выводов.

Кризис буржуазной исторической мысли, порождением которого является релятивистско-презентистская концепция, — только одно из проявлений общего кризиса буржуазной идеологии, не способной и не заинтересованной в объективном познании общественной жизни. Разоблачение реакционной, антинаучной сущности такой концепции, являющейся одним из обоснований современного антимарксизма и философского ревизионизма, — одна из актуальнейших задач историков-марксистов. Это — борьба за науку, за подлинно объективное историческое знание.

---

⁴³ M. Mandelbaum. The Problem of Historical Knowledge. An Answer to Relativism. New York, 1938, p. 274, 277.

⁴⁴ M. Mandelbaum. A Critique of Philosophies of History. — «The Journal of Philosophy», vol. XLV, July 1948, № 14, p. 365.

